

М. Э. Звегинцова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Мотив преобразования зрения и вещества
в поэтических циклах «Дикий шиповник», «Старые песни»
и «Китайское путешествие» О. А. Седаковой**

Звегинцова М. Е. Мотив перетворення зору («зрения») та матерії («вещества») в поетичних циклах «Дика шипшина», «Старі пісні» та «Китайська подорож» О. А. Седакової. У статті здійснено мотивний аналіз трьох поетичних циклів О.А. Седакової: «Дика шипшина» (1976-1978), «Старі пісні» (1980–1981) та «Китайська подорож» (1990-1992). У ході дослідження було виявлено мотивний комплекс, пов'язаний з ідеєю перетворення зору («зрения») та матерії («вещества»). Проаналізовано основні контексти функціонування мотивів зору («зрения») та матерії («вещества»), що відносяться до цього семантичного комплексу. Дійшли висновків про те, що інтегрований мотив перетворення зору («зрения») та матерії («вещества») є широко задіяним на рівні авторського інтертексту, що моделює загальний філософський фон поетичних циклів О.А. Седакової.

Ключові слова: *мотив, мотивний комплекс, авторський інтертекст.*

Звегинцова М. Э. Мотив преобразования зрения и вещества в поэтических циклах «Дикий шиповник», «Старые песни» и «Китайское путешествие» О.А. Седаковой. В статье произведен мотивный анализ трёх поэтических циклов О.А. Седаковой: «Дикий шиповник» (1976-1978), «Старые песни» (1980–1981) и «Китайское путешествие» (1990-1992). В ходе исследования был выявлен мотивный комплекс, связанный с идеей преобразования зрения и вещества. Проявлены основные контексты функционирования мотивов «зрения» и «вещества», относящихся к этому семантическому комплексу. Сделаны выводы о том, что интегрированный мотив преобразования зрения и вещества широко задействован на уровне авторского интертекста, моделирующего общий философский фон поэтических циклов О.А. Седаковой.

Ключевые слова: *мотив, мотивный комплекс, авторский интертекст.*

Zvegintsova M. E. The motif of transformation of sight and substance in «The Wild Rose», «The Old songs» and «Chinese Travels» poetic cycles by O. A. Sedakova. In the article the motif analysis is conducted in three poetic cycles by O. A. Sedakova: «The Wild Rose» (1976-1978), «The Old songs» (1980–1981) and «Chinese Travels» (1990-1992). The research reveals a motif complex associated with the idea of transformation of sight and substance. The main contexts of functioning of «sight» and «substance» motifs related to this semantic complex are exposed. Conclusion is made that the integrated motif of transformation of sight and substance is widely employed on the level of the author's intertext that shapes the general philosophical background of the poetic cycles of O. A. Sedakova.

Keywords: *motif, motif complex, author's intertext.*

Специфика поэтического творчества Ольги Александровны Седаковой сообщает необходимость поиска имманентных исследовательских модальностей, на сегодняшний день характеризующихся как разноречивой избирательностью методологических подходов, так и взаимной их дополнительностью. Так, Н. Котова [5] обращается лишь к тем мотивам, которые позволяют соотносить поэзию Седаковой с контекстом «современной духовной поэзии». Н. Медведева [6], в свою очередь, рассматривает мотивную ткань исследуемых текстов через призму научной компаративистики, сопоставляя параметры поэтической метафизики О. Седаковой и И. Бродского. Н. Подрезова [7], исследуя антропологический аспект поэтического

творчества О. Седаковой, номинирует важнейшие концепты, но не рассматривает динамику мотивных связей. Осторожно же намеченные В. Библихиным [3] и С. Аверинцевым [1] аксиологические и эстетические горизонты поэзии Седаковой – обнаруживают скорее опыт интуитивно солидарного письма, нежели аналитического усилия.

Задачей данного исследования является мотивный анализ поэтических циклов «Дикий шиповник», «Старые песни», «Китайское путешествие» Ольги Седаковой с целью выявления основных мотивных категорий и специфики функционирования авторского интертекста.

Смысловое полнозвучие авторского слова О. Седаковой напрямую связано с некоей ка-

тегориальной аскетичностью. Одними из важнейших мотивных категорий перечисленных ранее циклов являются взаимосвязанные категории «зрения» и «вещества». Одновременно представляясь и ключом к познанию, и его объектом, и даже самим познанием, «зрение» и «вещество» онтологически упраздняют мнимые провалы между материальным и ментальным. Логика переживания всего во всём организует мотивную ткань поэтических циклов. Омовение зрения оказывается тождественным проникновению в вещество, которое и само есть зрение: «Промой же взгляд, любовью воспаленный,/ и ты увидишь то, что я:/ водой прекраснейшей, до щиколоток влюбленной/ полна лесная колея./ Гляди же: за последнюю свободу,/ через последнюю листву,/ по просеке, по потайному ходу,/ раздвинутому веществу,/ ведут меня». [8:65] Однако не отрешенность самосозерцания буддийской картинки, вмещенной саму в себя, но пограничная чувственность, предельная, желанная уязвимость определяют общий философский фон поэтических высказываний О. Седаковой: «Ты развернёшься в расширенном сердце страдания,/ дикий шиповник,/ о,/ ранящий сад мироздания./ Дикий шиповник и белый, белее любого./ Тот, кто тебя назовет, переспорит Иова./ Я же молчу, исчезая в уме из любимого взгляда, /глаз не спуская и рук не снимая с ограды. /Дикий шиповник/ идет, как садовник суровый,/ не знающий страха,/ с розой пунцовой, /со спрятанной раной участия под дикой рубахой» [8:59].

Можно предположить, что для поэзии О. Седаковой «видеть» означает «участвовать». Такое истонченное видение, проникающее в себя, себя же и ранит: «Так мы и ехали: то ли в слезах, то ли больно от белого/ света./ Я поглядела кругом, чтоб увидеть, как видимо это» [8:76]. Движение движения, вещество вещества, видение видения, – всё это дефиниции одного и того же явления, к которому невозможно приблизиться, которое невозможно изучить, однако можно вдруг и всецело узнать, разделяя себя с ним и совпадая с ним: «Шапка-невидимка,/ одежда божества, одежда из глаз,/ падая, не падает, окунается в воду и не мокнет./ Деревья, слово *люблю* только вам подходит» [8:329]. Событие мгновенного совпадения тождественно доверию, которое либо появляется, либо нет. Узнавание и отклик возможны лишь там, где существуют видение и участие: «Флейте отвечает флейта [...]/ которую держат горы/ в своих пещерах и щелях,/ струнам отвечают такие

же струны/ и слову слово отвечает» [8:340] или «Мы проезжали поля и поля отражали друг друга,/ Листья из листьев летели, и круг выпрямлялся из круга» [8:76].

Мотивные категории «зрения» и «вещества» оказываются неотделимыми от идеи превосхождения себя как единственного пути и единственного подвига самоотречения и всепринятия. Этот подвиг постоянно совершает именно тот, кто способен на него, «ибо только наша щедрость/ встретит нас за гробом» [8:327]. Вещество, претворяющееся и претворяющее, бесконечно увеличивая потенции своих физических свойств, парадоксально нарушает конвенциональные предписания – и становится свободной ясновидящей материей, подобной истонченному оптическому напряжению меж двух зеркал, однако изначально освобожденному от любой зеркальности, рождающемуся свободно и самопричинно. Вещество прозревает, а зрение становится мыслящим и вещественным: «Или свиданье стоит, обгоняющий сад,/ где ты не видишь меня, но увидишь, как листья глядят,/ слезы горят,/ и само вещество поклонится,/ что оно зрением было и в зренье вернется» [8:76]. Мотивы «зрения» и «вещества» неизменно сопровождают и маркируют пороговость одного и того же события: обмена себя на большее. В таком обмене усматривается не утрата, но единственное должествование, способное пребывать вне энтропийности времени. Разумное, мыслящее вещество – будь то субъект, или пейзаж, или то и другое вместе – выбирает смирение, равное несуществованию, чтобы узреть обновлённым зрением чудо собственного бессмертия: «Я тоже из тех, кому больше не надо,/ И буду смотреть, пропадая из глаз [...]

«Я же молчу, исчезая в уме из любимого взгляда./ Глаз не спуская и рук не снимая с ограды» [8:59], или «Я руку протяну, чтобы меня не стало./ И знаю, как она пуста – /растение пустоты, которое теряло/ все, что впитала пустота/ [...] – Я выхожу из времени терпенья,/ я выхожу из смертных глаз» [8:81-82] и др.

«Зрение» в своей процессуальности актуализируется в точке пересечения всех возможных перспектив. Как раз в этом ёмком стяжении объект и субъект зрения оказываются большими, чем они есть по отдельности. В этой точке синкретичностью вещества определяются характеристики и того, кто зрит, и того, кто схвачен и осуществлён этим зрением. В ситуации максимального соучастия, в которой «само вещество поклонится,/ что оно зрением было и в зренье вернется»

[8:76], даже постановка вопроса о принадлежности зрения (в чьё/какое зрение вернётся вещество?) мыслится некорректной. Взгляд, обращенный ко мне со стороны другого, может ощущаться как прикосновение к моему существованию только тогда, когда еще возможно само касание, т.е. подразумеваются какие-то границы *моего* существования, существования *другого* и существования вообще. Можно предположить, что именно с интенцией на возможность образования формы не за счет границ, но за счет законов лишь предощуяемого порядка связано обращение О. Седаковой к феномену зрения, а не взгляда (что, например, является важнейшим отличием визуальности поэзии О. Седаковой от визуальности поэзии И. Бродского).

Метафизический топос поэзии О. Седаковой представляется выстраиваемым как раз там же, где смыкаются все перспективы, – в зоне последних границ. Пребывание в этой зоне еще предполагает существование границ, но уже упраздняет их видение, вследствие чего субъект и объект зрения взаимно обогащают и называют друг друга: «Но горе! Наполнясь тенью,/ Любя без памяти, шагнуть – / и зренье оторвать от зренья,/ и свет от света отвернуть! –/и вещество существованья/ опять без центра и названья/ рассыпалось среди других,/ как пыль, пронзённая сознанием/ и бесконечным состраданием/ и окликами живых...» [8:87]. При этом ситуация несуществования не является самоцелью движения поэтического слова О. Седаковой. Это слово, уходящее от всяких границ, встречает несуществование только лишь как неотменимый порог, требующий прохождения. Отсюда – и неясность очертаний, и невозможность номинации предмета говорения, постоянно превосходящего самого себя: «Там, на горе/ у которой в коленях последняя хижина,/ а выше никто не хаживал [...]/кто-то бывает и не бывает,/ есть и не есть» [8:330] или «Кажется или правда? – / кто-то меня увидел,/ быстро вошел из сада/ и стоит улыбаясь/ [...]/ Ты не забудь меня, Ольга,/ а я никого не забуду» [8:183].

Преодоление границ как превосхождение самого себя оказывается единственным должествованием вещества. Поэтому к веществу отражающему, но не принимающему, выказывается высшая степень недоверия. Мотив отражения в контексте поэзии О. Седаковой почти всегда можно охарактеризовать как проявление трагедийного ритма («Ох, не любят грешного человека/ зеркала, и стекла, и вода лесная» [8:184]). Зеркало (или зер-

кальность) как симулякрное подобие подобию, не способное вмещать, можно сравнить с повреждённым оком, через которое не проходит свет. В данном случае вполне уместным представляется обращение к новозаветной метафоре внутреннего зрения или разума, воздействующего на человека просветляюще либо омрачающе: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё здорово, все тело твоё будет исполнено света; но если око твоё нечисто, все тело твоё будет исполнено мрака. А если свет, который в тебе, есть тьма, то как же темна сама тьма!» [2:18]. Интуиция авторского слова О. Седаковой, скорее всего, тоже связана с откровением о здоровье того вещества, которое в простоте своей стремится к себе и тяготеет собой. Однако даже провидческое вещество, осложнённое зеркальностью, т.е. с нарушенной целостностью, способно только лишь к проявлению или выявлению подобий, но неспособно к выходу за пределы подобию: «[...] монах старинный вопрошает:/ – Скажи, кому подобен я? – / и видит: зеркало живое,/ крылатое, сторожевое,/ журча, спускается к нему –/и отражает ту же тьму,/ какую он борол. Но в нем,/ в дыханье зрячем за стеклом,/ она – как облако цветное,/ окружена широким днем» [8:62]. Оказывается, что даже свет – «который в тебе, есть тьма» – окружен «широким днём», и что событие прозрения в дискурсии самопреодоления вещества может быть связано с искомой возможностью сравнения и отождествления с этим «широким днем». Существование-несуществование в ситуации последних границ требует некоего балансирования, амбивалентного памятования о себе: и как о взгляде, и как об отражении взгляда. Однако выход из этой ситуации в сторону зрения знаменуется опрошением вещества, вымыванием зеркальности: «И каждому б образу я наказала:/ ты можешь убить, но иди – и щади./ Ты можешь и здесь – но иди с чудесами,/ исчезни, как зеркало перед глазами,/ и просто, как сердце, забейся в груди» [8:103] или «[...] душа твоя ноет и зрение хочет разбить – /зеркало злое, кривое, учившее вас не-любить» [8:76]. Отражение как трагический результат встречи взгляда и вещества существует там, где могло существовать зрение. Вполне возможно предположить, что здесь речь идёт о чем-то большем, нежели о непрозрачности, речь идёт об угрозе отступничества и безучастия. Однако преодоление отражения возможно так же, как возможно чудесное и мучительное преображение вещества: «Как в слабоумном отраже-

ные,/ он узнаёт свой новый взгляд/ в его стеснение и стяжение./ Волокна верят и болят:/– Неужто Бог идет, как яд?/ Идет, как яд идет в крови,/ и, безопасный иноверцу,/ Он только слышащее сердце/ рвет, словно письмо любви./ И сердце просит:/– Разорви!» [8:63] или «Кто знал, что Бог – попутный ветер? – / ветров враждебная семья,/ чтоб выпрямиться при ответе/ и дрогнуть, противостоя [...]» [8:60] или «Так лучшие часы сосредоточат нас/ на острие иглы спасенья,/ где мучится любовь и где впадает зренье/ в многоволнущий алмаз./ И жизнь глядит на жизнь, уничтожая грани,/ и все глаза твоих медуз – / один укол, одна анестезия ткани,/ один страдающий союз» [8:118]. Как видно из приведенных контекстов, обращение к мотивам «зрения» и «вещества» в исследуемых поэтических циклах вполне может быть связано с авторской интенцией на проявление законов преображения. Являющее через себя складки онтологического пространства и восходящее к этому пространству вещество пребывает в пороговом постоянстве преображения. Следует подчеркнуть, что речь идет не о мгновенном усилии, но о бесконечно длящемся напряжении, причиной континуальности которого является борьба.

Оказывается, что истинная встреча – а затем истинное принятие – зависят от степени удаления от себя. Поскольку встреча эта постулируется как единственное желание, то и любой залог встречи долженствует приниматься безропотно. Залогом оказывается борьба с желанным (равная принятию желанного), полностью внеположенным желающему. Не агрессия и хитрость, но удивление и уважение – таковы дары борьбы-принятия. Мотив преображения зрения и вещества в поэтических циклах О. Седаковой – это мотив борьбы, подобной богоборчеству Иакова [4:41]. Но, в отличие от ветхозаветного героя с его неведением и неузнаванием, каждая наделённая сознанием вещь в исследуемом поэтическом пространстве мгновенно догадывается и узнаёт противоборствующую силу, при этом ничего не требуя, кроме этой преображающей борьбы. Таким образом, можно говорить о том, что интегрирующий мотив преображения зрения и вещества широко работает на уровне авторского интертекста и прослеживание его категориального расширения на примере других поэтических циклов О. Седаковой может стать дальнейшим предметом исследования.

Литература

1. Аверинцев С. Метафизическая поэзия как поэзия изумления [Электронный ресурс] / Сергей Аверинцев. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/av26.html>
2. Аверинцев С. Собрание сочинений. Переводы : Евангелия. Книга Иова. Псалмы Давидовы / Сергей Аверинцев. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2007. — 520с.
3. Библихин В. Грамматика поэзии. Новое русское слово / Владимир Библихин. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. — 592с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: РБО, 2007.
5. Котова Н. Современная духовная поэзия [Электронный ресурс] / Наталья Котова. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/kotova3.html>
6. Медведева Н. Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции [Электронный ресурс] / Наталья Медведева. — Режим доступа: http://lib.udsu.ru/a_ref/07_12_001.pdf
7. Подрезова Н. Поиск человека социального в поэзии О. Седаковой [Электронный ресурс] / Наталья Подрезова. — Режим доступа: http://ellib.library.isu.ru/docs/Filolog/%D0%9511podrezova_poisk_cheloveka_socialnogo_532.pdf.
8. Седакова О. Четыре тома. Том I. Стихи / Ольга Седакова. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — 432с.